

Нашей роте досталось штурмовать деревню. Собственно, никакой деревни давно уже не было, на пепелище торчали печные трубы. Уцелел всего один дом, точнее, уцелели кирпичные стены. Предполагалось, что артиллерия подавит огневые точки на переднем крае. В том числе (полагал я), сравняет кирпичную развалину с землёй. Нам от этого дома, даже если он и уцелеет, проку никакого. Если уж мы овладеем деревней, так укрепляться будем дальше, на месте разбитой часовни. Своими «мудрыми» соображениями я поделился со Снежковым.

— Ты сначала возьми этот дом, — охладил он меня. — С кем собираешься штурмовать?

Такие сомнения возникали и у меня. Но я успокоил себя тем, что старшие командиры знают, какой у нас состав, и уж коли наметили операцию, так и возможности наши учли. Артиллерия раздолбает огневые точки. Нам останется — войти в деревню.

— Будет артподготовка, — напомнил я Снежкову.

— Будет, — подтвердил он таким тоном, что ясно стало: больших надежд на артиллерию он не возлагает. — Из Сухиничей шёл? Дорогу видел? Много по ней подвезёшь? Откуда у артиллеристов снаряды?

Ещё больше огорошило меня, когда перед наступлением нам выдали боеприпасы: по тридцать патронов на винтовку и по коробке дисков на ручной пулемёт. Были ещё гранаты — «лимонки», РГД-33 и противотанковые. Но и гранат дали в обрез, по две на каждого не пришлось.

— Больше и не нужно, — утешил меня Снежков. — Метать их кто у тебя будет? Ты следи, как бы твои орлы сами не подорвались.

Снежков оказался пророком: один боец (хорошо не у нас, в соседней роте) подорвался на собственной гранате, ещё до наступления. Хоть повезло, что поблизости никого не случилось — солдат отошёл в лесок по нужде. Никто из бойцов не держал гранат до этого в руках.

Да что там бойцы, мне самому не приходилось метать боевую гранату. В училище упражнялись на болванках. Но я хоть знал, когда следует сорвать с предохранителя, когда метать. И бросал метко. А солдаты даже и болванок не держали в руках.

Последнюю ночь, уже зная о предстоящем штурме, я долго не мог уснуть. Помнится, и Снежков не спал, хотя мы почти не разговаривали с ним. Не сказать, чтобы я особенно мучился страхом, но было тревожно. Однако даже и тогда мысли в голову приходили больше несерьёзные и вовсе не о предстоящем деле, не о том, что ожидает нас завтра, — вспоминалась школа, ребята.

Я не знал, кто из них где и жив ли. А в школе в эти дни как раз начались выпускные экзамены. И само собой явилось на ум банальное сравнение предстоящего боя с испытаниями — завтра я буду держать свой первый экзамен. Не провалиться бы на нем.

Адресов ребят, которые теперь почти все воевали, я не знал. Тогда, кажется, я и додумался, через кого восстановить переписку.

И не мне одному пришла эта мысль. В войну у нас так сложилось, что весь наш класс — все, кто были на фронте, — переписывались с завучем Александрой Степановной Житовой. В школе она вела биологию. О том, что она пользовалась всеобщей любовью и уважением, можно и не говорить, иначе мы бы и не писали ей. Не только наш класс, но и другие выпускники, старше и младше нас, переписку со школьными друзьями восстанавливали через неё. И не только деловая переписка связывала нас с нею, но и сердечная. Писем от неё мы ждали и в окопах, и в госпиталях, и радовались им так же, как письмам из дому, письмам от возлюбленных. А после войны каждый, кто остался в живых, побывал у неё в коммунальной учительской квартире на улице Баррикад и позднее в полуподвальчике на Партизанской возле рынка.

Накануне ротный наставлял меня:

— По кирпичам патронов не жги — потом пригодятся. У тебя главное — гранаты. Фрицев только гранатами выколупнуть сможешь.

План был таким: с началом артподготовки наступаем, держась вплотную (как можно ближе) за огневым валом. А когда артиллерия перебросит огонь вглубь немецкой обороны, делаем отчаянный рывок, закидываем «крепость» гранатами.

— Кидаешь метко, надеюсь? — Я кивком подтвердил: метко.

— Ладно, хоть командиры у меня все умеют.

К ротному я питал симпатию. Уже одно то, что он не походил на моих командиров из пехотного училища, сразу расположило меня к нему. У нас к тому же нашлись общие интересы и одинаковые взгляды на многое. На передовой люди быстро узнавали друг друга — жили более открыто, доступней для общения. Тогда, в тот наш разговор, когда он наставлял меня, как мне действовать в предстоящем бою, я, конечно, не мог предположить, что каких-нибудь две недели спустя его убьют, а сам я с тяжёлым ранением попаду в тыловой госпиталь и не вернусь в прежнюю часть. Я радовался, что судьба послала в командиры столь симпатичного мне человека, к которому я с первой встречи почувствовал расположение. Его опеку я ощущал постоянно. Делал он это тактично, ненавязчиво, не обременяя меня тягостью быть благодарным.

Артподготовка намечена на 21.00 — так значилось в приказе. Столь необходимыми командиру вещами, как-то: часы, компас, планшетка, топографическая карта, — нас не снабдили. Часы и карта были у ротного. У него была и планшетка — предмет зависти всех новичков. В училище нам выдали полевые сумки из чёрной кирзы.

О скором начале артподготовки ротный известил всех по цепочке:
— Осталось пять минут.

Долгими были эти минуты. Я уже подумал: не будет никакой артподготовки, штурм отменили — когда ахнули первые взрывы. Казалось, вплотную у наших позиций.

Вздыбило землю, крошевом и пылью застлало нейтральную полосу.

И вот тут случилась первая заминка. Наши необстрелянные солдаты не готовы были идти в огневой смерч. Мне самому было жутко, но я хоть знал — отдавал себе в этом отчёт — нужно не отставать от огневого вала, тогда нас не будет видно противнику. Прицельный огонь немецких пулемётов для нас опасней. А солдаты-новички, не прошедшие должного обучения, видели перед собой только чёрные клубы, полные раскалённых визжащих осколков и летящего сверху града земляных комьев. Лезть в это пекло никому не хотелось.

Несколько минут мы потратили на то, чтобы поднять солдат из окопов. Никто не хотел быть первым, озирались друг на друга.

Не знаю, как бы я вёл себя, окажись на их месте. Мне было и сложнее и проще одновременно. Сложней тем, что нужно не только самому идти в бой, но вести за собой ещё и взвод. Увы, с этой задачей я тогда не справился. Но зато ответственность за других не оставляла времени думать о себе. Чтобы испытывать и переживать страх, тоже нужно время. Это я уже после заметил и понял. Бывало так, что в самое мгновение опасности человек поступает так, как нужно, делает именно то, что приносит успех и сберегает жизнь, а страх приходит после, когда опасность уже миновала, когда есть время вспомнить всё в подробностях.

Командир роты был на моем фланге, помогал мне поднять бойцов. Мы вдвоём метались вдоль фронта, размахивали оружием, кричали и матерились. Кое-как удалось навести порядок. Видимо, я напрочь забыл вчерашние наставления ротного беречь патроны и палил из своего нагана направо. Наверное, взбадривал этим себя. По той же причине стреляли и солдаты. Без цели — в пыльную и грязевую тучу, которая двигалась перед нами. Вскоре, когда первое волнение прошло, стало видно, что вовсе не такая она и плотная. Лишь сразу после залпа ненадолго затмится — исчезнет за пылью кирпичный дом, а чуть осело, его снова видать. Задраенные окна, обращённые в нашу сторону, попадали в тень. Солнце не ме-

шало — стояло правее, и хорошо было видно, как из пулемётных стволов частят огневые вспышки — немецкие пулемётчики стреляли непрерывно, не прицельно, должно быть, совсем не видя бегущих солдат. Это уже после стало известно, что пулемётный огонь не причинил нам вреда. В моем взводе был только один раненый, и то его поразило осколком от своего же снаряда — не пулей.

Помню, я бегал взад и вперёд, то поднимал солдат, чтобы наступали, то заставлял ложиться. Да, да, и ложиться тоже приходилось заставлять! Многие настолько очумели, что не в состоянии были разобраться сами, когда следует бежать вперёд, а когда — залечь, чтобы не поразило снарядными осколками.

Перебрали болотистую низину, испаханную свежими воронками. Прошло немного времени с начала артподготовки, а мы уже продвинулись близко к немецким позициям — до кирпичного дома оставалось не более ста шагов. Снарядная строчка прошла по самой деревне, и один снаряд, мне показалось (после я узнал, что не только мне), попал в кирпичный дом. Когда пыль рассеялась, оба пулемёта в амбразурах молчали.

Я всё ещё бежал и размахивал револьвером, когда очередной залп взметнул пылевую тучу позади кирпичного дома, на месте часовни. В это время внезапно застрочил один из пулемётов — пули колотили по земле, их удары обозначились крохотными пылевыми фонтанчиками. Наша цепь залегла.

Я сказал — цепь. Привычное слово, каким пользуются все, кто описывает баталии. Но у нас цепи не было. Никак мы с командиром роты, даже совместными усилиями, не смогли заставить солдат развернуться в цепь — они постоянно сбивались кучками. Наша цепь залегла.

Я лежал, уткнувшись лицом в землю, и кирпичный дом вроде бы отдалился. Пулемётные очереди гулко стегали по сухой земле, нудно посвистывали ушедшие рикошетом.

И вот тут, не знаю, не помню, откуда эти слова попали мне в уши, как будто кто крикнул их. (Возможно, неподалёку от нас расположился батальонный НП.) Слова были произнесены так, как говорят в телефон. Но говорившего я не видел.

— Артиллерия не выполнила задачи!

Помню хорошо: эту фразу тот же голос произнёс не однажды:

— Артиллерия не выполнила задачи...

Теперь не стало больше залпов, беглый огонь перенесли в глубину немецкой обороны. Не видно, где рвутся снаряды. Зато над нашими головами с немецкой стороны проносились снаряды, хорошо заметные по огненному следу в вечеряющем небе.

Я не знал, куда исчез командир роты. Мне почудился его голос на другом фланге. После я узнал, что так и было, я не ослышался. Едва он увидел прямое попадание снаряда в «крепость» и услышал, что немецкие пулемёты смолкли — помчался на правый фланг, к Снежкову: его взводу не дали продвинуться за болото. Ротный решил, что на нашем участке дело уже сделано.

А у нас ничего ещё не сделано. Едва пулемёт дал передышку и я начал поднимать солдат в атаку, как немец снова застрочил. Позади кто-то вроде как испуганно вскрикнул. Пулемётчик строчил длинными очередями, не скупясь на патроны. Пришлось залечь. Бойцов я не видел, никто не подавал голоса. Видимо, тот же самый, кто недавно вскрикнул, теперь громко стонал и призывал:

— Вай-вай, моя ранена!

Я недоумевал: кто бы это мог быть? В моем взводе только русские. Позже

выяснилось, что раненый и верно был не из моего взвода, даже не из нашей роты. В хаосе наступления он отбил от своих, пристал к чужому взводу. Сейчас ему не могли помочь, его подобрали после боя. Стоны и крики раненого действовали неприятно. Возможно, и немец слышал: мне казалось, он усиливал пальбу, когда до него доносился чужой голос.

Наверное, будь на моем месте более опытный, уже воевавший командир, так он по бестолковости, по лихорадочности, с какой строчил немецкий пулемётчик, сообразил бы, что фриц либо паникует, либо ранен и не способен вести прицельного огня.

Всё же я огляделся. Багровое солнце распластало длинные тени, но ещё не сумерки — светло. Немного правее от места, где я залёг, начинались огороды. Они в запустении: земля не вскопана, гряды заросли сорняком, изгороди повалены... Нужно ползти туда: посреди грядок, в тени порушенной ограды легче укрыться. Вначале страшно было двинуться: казалось, немец только этого и ждёт — тут же накроет меня. До поваленного плетня я дополз благополучно. Ползать по-пластунски в училище нас обучили.

Всё это, впрочем, происходило много быстрее, чем рассказываю. Я и тогда, сразу после боя и позже, удивлялся, сколь лёгким стало для меня «боевое крещение». Лёгким в том смысле, что я не испытал сильного страха. От бывалых людей я слышал, что никто не может поручиться, как он поведёт себя в бою, пока не изведает этого. Страх овладевает человеком настолько, что он вовсе теряет рассудок, и в панике, ничего не сознавая, лезет под пули на верную гибель. Перед началом артподготовки меня знобило, но едва загрохотали первые залпы, озноб прошёл.

Очутившись в огороде, в пятидесяти шагах от кирпичного дома, откуда без усталости строчил пулемёт, я, наконец-то, смог оглядеться. Понял, что стреляют не в меня. Пулемётные очереди лупили внахлёт, беспорядочно. Солдат мне не видно — залегли, попрятались. Слышу только, теперь уже монотонный, усталый голос:

— Вай-вай, моя ранена...

Раненый уже не кричит как вначале призывно, истошно — машинально повторяет слова, как заклинание, может быть, этим утишая боль.

Между мной и домом торчит печная труба (раньше я её почему-то не замечал), подле трубы груды битых кирпичей и разного хлама. Всё это можно использовать как укрытие — из-за трубы метать гранату. У меня их три: «лимонка» и две РГД. Задача несложная: выждать, когда пулемётчик сделает паузу, — и бежать. Всего тридцать шагов, а может быть, и того меньше — фриц не успеет поймать меня на мушку.

И точно: мой рывок застал его врасплох. Пулемёт задолбил, когда я уже распластался поверх пыльной кучи щебня. Пули чиркали по кирпичным обломкам, звенели обо что-то железное, жалобно ныли рикошета. С минуту пулемёт молотил, потом затих. А когда возобновил стрельбу, то уже перебросил огонь в другое место. Наверное, фриц посчитал, что со мной кончено. Выяснилось: я попал в развалину бани. Металлическое, звеневшее под пулями, оказалось баннным котлом, замазанным в печь. Печной бок частью развалился, и котёл оголило. Под мусором, поверх которого я залёг, настелены половицы банного пола, всё ещё отдающие мыльной сыростью. Под руку мне попался старый веник, напрочь обхлестанный, почти голик.

Метать гранату отсюда я раздумал. Силы добросить у меня хватит, но какой толк будет, если граната взорвётся по эту сторону кирпичной стены? А попасть с такого расстояния в пролом под крышей я не смогу.

...Вот на эту последнюю перебежку было не просто отважиться. Скрытый от немцев печной трубой, я поднялся в рост, прильнул к шершавым кирпичам. Мне нужно проскочить совсем немного, и я попаду в мёртвое пространство, куда не может быть обращён пулемётный ствол. Для меня оно не мёртвое — живое пространство. Главное — успеть туда. То, что меня могли сразить сверху из пролома — гранатой или пулей, — мне почему-то в голову не пришло. Я, как плохой шахматист, рассчитывал только свои ходы, не думая о том, что противник может сделать ход, не предусмотренный мною. В этот раз для меня игра закончилась благополучно.

Помню недолгое оцепенение — немоту в мышцах перед самым броском. Нечто похожее испытываешь на старте, ожидая команду «Марш!». Потом немота проходит, как и не было её.

Фриц и на этот раз проворонил меня. Я уже был возле дома, — в спасительном мёртвом пространстве, — когда он открыл пальбу. Я с разгону прильнул к стене. Над головой огневыми вспышками харкал пулемёт.

Вначале я метнул «лимонку». Попал точно в пролом — за стеной ухнуло. Пулемёт замолчал. Я вскочил на цокольную приступку, с неё метнул вторую гранату — РГД. Услышал, как она обо что-то ударилась — о потолочину или о стропила. Я всем телом врос в стену: если граната взорвётся на потолке, осколки полетят и в мою сторону. Но, видно, граната упала вниз — взрыв получился утробный, как под полом.

Я вскарабкался на стену. В проломе можно было стать на корточки. Из-под железной кровли снарядом вышибло стропила, она осела. Потолок также наполовину обрушило. Пыль, поднятая гранатой, ещё не улеглась, мне ничего не было видно. Раньше, чем я присмотрелся и что-либо различил, я услышал, как забарабанило над головой: пули ударялись в провисшую потолочину, звенели по кровельному листу. Не вдруг дошло, что стреляют в меня, снизу. Кто-то там был живой. Вначале я увидел огневые вылески из автоматного ствола, потом немца, который стрелял. Мне показалось, он был мертвецки пьян, его мотало из стороны в сторону, он кругами топтался по полу. Поэтому и не мог попасть, хотя стрелял чуть ли не в упор. Я выхватил револьвер. Но вместо выстрела слышу холостой щелчок бойка...

Сколько раз впоследствии мне снилось нечто похожее: я попадаю в критическую обстановку, чтобы спастись, мне нужно выстрелить, но револьвер отказывает. Обыкновенно во сне мне не хватает силы нажать на спуск. Этот сон и посейчас мучает меня.

Наконец-то и фриц сообразил, что ему надо перезарядить обойму, потянулся к голенищу, где у него хранилась запасная. Ему, не будь он в таком состоянии, перезарядить автомат — секундное дело. А револьвер скоро не перезарядишь. Я прыгнул на немца сверху, чтобы не дать ему времени, но — промахнулся и сам упал. Однако и он не воспользовался моей оплошностью — неожиданно тоже выстлался на полу ничком и выронил автомат. Я вскочил и уже занёс револьвер, чтобы оглушить фрица... В последний момент рука сама удержалась. Падая, немец потерял с головы каску — затылок у него был окровавлен. Он распластался ничком, недвижимо и пальцами скрёб по замусоренному полу. И по этому движению ясней ясного было, что на ноги ему уже не подняться. Он вовсе был не пьян, а ранен, возможно, смертельно. Не знаю, осколком ли моей гранаты или раньше, когда снарядом попало в дом.

Собственно, в тот момент я не думал об этом — удивился и встревожился, что не видно других защитников «крепости». Они могли появиться внезапно. Кажется, не помнил я тогда и про взвод: про то, что я не сам по себе, а у меня взвод, которым я командую, за который отвечаю. Я вдруг увидел в ящике у окна — автоматные обоймы и под ними россыпью несчитанные патроны. Вспомнил про автомат, оброненный немцем. Всё это совершилось мгновенно, без малейшей затраты мысли, — я поступал не рассуждая. Схватил автомат, выдернул ремень из-под недвижимого немца, перезарядил обойму, несколько других обойм напихал за голенища. При этом всё время одной рукой держал автомат наизготовку, спиной прислонясь к стене, — ожидая внезапного появления фрицев. Не один же он был тут: ещё недавно по нам стреляли из двух пулемётов. Но услышал вдруг за стеной голоса своих.

И тогда лишь поверил, что мы выбили немцев, взяли деревню.

После узнал, что мои солдаты видели, когда защитники «крепости» отступали: двое впригиб бежали по ходу сообщения, похоже, волоча третьего, убитого или раненого. Немец, оставшийся у пулемёта, прикрывал их.

...Уже в сумерках начали поспешно окапываться на другой стороне холма, где были развалины часовни и старое кладбище, развороченное ещё немцами. Подобрали раненых и убитых. В моем взводе обошлось без потерь. У Снежкова четверых отправили в санбат: одного с тяжёлым ранением, его унесли, трое других — шли сами.

Тут же какой-то штабной офицер спрашивал у всех, нет ли «языка». Не сразу до меня дошёл смысл — что ему нужно, — хоть я и должен быть знать, помнить из той же «Капитанской дочки». Слово это, ещё тогда, в детстве, впервые встреченное в книге, поразило меня неожиданным смыслом: «язык» — это человек, которого можно допросить, выпытать у него нужные сведения. Не сам человек, а только его язык!

Я вспомнил про немца, оставленного в кирпичном доме, и сказал про него ротному.

— Как он упал? — спросил он.

— Ничком.

— Если ничком — значит, живой.

Отрядили двоих солдат с носилками. Рассказывали после, что немца и верно застали живым, он дышал. Но добились ли от него чего-нибудь, как от «языка», я не знаю. Был ли он в состоянии отвечать на вопросы?..

С тех пор мне запала эта примета, услышанная от ротного: если раненый падает ничком, его ещё можно спасти, а если навзничь — тогда крышка. Верна ли примета, не знаю и сейчас. Сам я, когда меня ранило, падал ничком, оба раза — ничком. Но для статистики этого, пожалуй, маловато.

А совсем недавно я снова услышал эту примету в каком-то фильме.